

ОСТАНЕМСЯ ПОД СВОДОМ ЛОЗ!..

ИСХОД

Аминодав Барлев Калантар сказал:
Три тысячи лет мы жили в Бухаре,
а нынче уходим, брат Ходжа Зульфикар.
Из наскальной поэмы дервиша

...слышишь!
слышишь, Господь мой!
это там,
в далеке-далеке,
в запустевшем,
родном,
разоренном,
убитом войной
кишлаке —

это там,
где мой след, неумело ещё
навсегда уходящий от дома,
переполнен водою за край,
полустерт на арычном песке —

это там
невзначай
так по-детски, по-детски несмело
ветер дует в пробитые гильзы патронов,
а слышится —
как задыхается, мается най¹
в неизбывной, щемящей тоске!..

в далеке-далеке...
там оставил я гроздь на лозе обгорелой...
хоть её сохрани!

Барух ата Адонай²

¹ Най — таджикская флейта.

² Благословен ты, Господь мой... (иврит)

еще вчера —

 дрошь дойры⁴ тронув,
литье монист кольчужных звонов,
хлестала кос плетьюми, средь стонов
кружа юниц,

 и с зовом мук
меджнуны ждали опьяненно,
чтобы нещадный

 насурьмленных
литых бровей сразил их лук!

ещё вчера —

 дурман газелей
тёк из оскалов ожерелий,
и, удушив дутар,⁵ пьянели
персты,

 в нем слыша плоть булав,
и в жилах закипали сели
всеразрушающих веселий,
и раны в сумерках чернели
окалиной арбузных лав!

Чего ж теперь уста так немы!?

Чего ж теперь средь темноты
фиалы — сшибленные шлемы
и блюда — палые щиты!?

ВИНОЧЕРПИЙ

Иса!

когда над торжищем
в корысти жребий мечущих —

уже без покрывал,

 словно очищенной от листьев
ты вен набухшею лозой,
 восстав у стен столицы,
от зноя раскаленный холм объял —

ледово

 в ранах пузырясь,
 текли в избытке кисти
в иссохшие глазницы зрящих —
в сонмы подставленных пиал...

⁴ Дойра — таджикский бубен.

⁵ Дутар — двухструнный музыкальный инструмент.

ДОПИВАЯ ВИНО ИЗ КУВШИНА В ПЕРСИКОВЫХ ДЕРЕВАХ

...раскаленный сапфир — и так зыбко лилов
сумрак в купах, где бледные губы плодов...
остывающий сад — затаившийся зной —
запах тающих сот под недвижной листвой...

неужели так было?.. я помню... ожег —
плод, коснувшись ладони, расплавился, тек,
просочился сквозь пальцы... и словно во сне
тихий сладостный стон вдруг послышался мне...

и внезапный змеиный клубок павших кос
стал шатром надо мной из сапфирных волос,
где от яростных стонов во мгле
голубой
месяц льдинкой испарины тек над губой...

я ещё ощущаю средь мертвенных куп
бархатистость, к лицу приближая раструб,
и медовую мякоть — сквозь глинистый струп
под истаявшим льдом керамических губ...

ТРИ ВОПРОСА К ДЕРВИШУ ХОДЖЕ ЗУЛЬФИКАРУ

Ах, вернуться б в тот сад, где Учитель седой
молвил, баяя вино себе снова водой:
— Неужели еще только прошлой весной
мать к Наврузу⁶ мне волосы красила хной...

Иль ему во хмелю вновь явилась она?
Иль опять приглянулась чужая жена?
Иль увидя,
что у меня седина,
он хотел, чтоб мне больше досталось вина?

ПРОХОДЯ ЗАБРОШЕННЫМ КИШЛАКОМ

...в пыль истертая глина дороги
и яблони ветвь над саманной оградой в плодах...

«Слаще нету даров,
на пути, предназначенных многим!..» —
так Учитель когда-то сказал.

Благодарный, усядусь в пыли
хоть ладони, как прежде, пусты:
тень — для путника,
паданцы — для сироты.

⁶ Навруз — таджикский Новый год.

ОЧНУВШИСЬ У ДАСТАРХАНА, ВСТРЕЧАЮ НОЯБРЬСКОЕ УТРО,
ПОСЛЕ ТОГО, КАК ДЕРВИШ ХОДЖА ЗУЛЬФИКАР ДЕВОНА
НЕЗАМЕТНО НОЧЬЮ ПОКИНУЛ МОЮ КИБИТКУ

...пить одиноко вино
на увитом вьюнами айване⁷ —
в плетеве пыльных стеблей
голубые
сквозь сумрак лучи...

в высветах вымерзла скатерть, Учитель! —
след слезы на краю пиалы,
не пригубленной Вами,
и так оплывно, так тало движенье
иссиня-матовой саранчи...

ПОСЛЕ СЛЕПОГО ДОЖДЯ СИЖУ С ШАМСИДИНОМ САМАДОМ
В ВИНОГРАДНИКЕ У НОЯБРЬСКОГО ЯБЛОНЕВОГО САДА

...хмельные, всеми позабыты,
останемся под сводом лоз,
под аметистовой листвой!
здесь в накипях промытых
мерцают гроздьев сталактиты
слюдою крыльев вмерзших ос!

останемся! —
здесь нас коснулись свитки
суфу⁸ обвившего куста ширазских роз,
рубahi омочив в избытке
мускусом самых тихих слез!

останемся! —
здесь ледяным опалом
по лозной арке свет течет с коры,
а там, за ней, над дальним перевалом —
пока мы будем поднимать с вином пиалы —
уходит солнце за откос горы...

и из укрытья станет нам видней —
как руслом трещин в сумерках
разъято
мелеют яблони, как жилами ветвей
они всё лиловей и лиловей
вбирают влагу золота заката...

и мы увидим шёлк саманных глин,
что выстудит под звездами ограда,
и как дыхание руин
коснется дымкой падалицы сада...

⁷ Айван — открытая терраса-крыльцо

⁸ Суфа — широкое глиняное ложе в тенистом уголке сада.

и будто в детстве будет мрак глубин,
где привыканием к смерти были прятки...

так пей, глядя сквозь сети паутин —
сквозь божьих пальцев
златоотпечатки!

СМОТРЮ С ГОРЫ НА САМАННУЮ КИБИТКУ ДЕРВИША ХОДЖИ ЗУЛЬФИКАРА ДЕВОНЫ У ВАРЗОБ-ДАРЬИ

...алыча начала отцветать...
одинокую кибитку у гор —
глина крыши в соцветьях
и неогороженный двор,
вся тропинка от них вдоль по склону бела
вплоть до самой реки,
и нигде ни следа —
ведь Учителю жаль
затоптать лепестки...

НА ИСХОДЕ МАХСУМОБАДСКОЙ ОСЕНИ

... пропыленный, декабрьский сад,
своды лоз над суфою пусты —
гроздь срезаны,
тихо летят
глинокожие всюду листья...

листья...
линии жилок густы —
виноградник-младенец, а тронь —
истонченные явит персты,
вдруг иссыпавшись, свиток-ладонь...

листья — саваны — промельки крыл
поглощающей всё глубины —
вот и посохи старцев,
могил,
занесенной приметой видны...

...только дождь налетит, обнажив
вечный, спрятанный сада вопрос —
посох слова — телесный алиф⁹
усеченной керамики лоз.

и увидишь сквозь наледи слез
на пороге бесснежной зимы
цветники предрассветные роз
восстающим бутоном чалмы...

⁹ Алиф — первая буква арабского алфавита.

В НАВРУЗ В ГЕРМАНИИ

... над суфой виноградник обрезаю,
 сичу с пиалюю вина,
пыль в лучах золотится у нашей кибитки —
 метет сонный дворик жена...

снова это приснилось,
 и как повелось —
там, во сне, на лицо мне упав,
 всё текут и текут наяву
 слезы мною обрезанных лоз...